

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

А. В. Бондарев, А. С. Сараев

Проблемы восприятия научного наследия Л. Н. Гумилева: критики и скептики

УДК 130.2+001.8:001.98

В статье рассматриваются варианты системного непонимания историко-культурологического творчества Л.Н. Гумилева. Авторы на большом текстовом материале показывают, что ошибочное понимание и ложные интерпретации работ Гумилева обладают преемственностью. Выделение аутентичной философской мысли Гумилева является важным вкладом в современное гуманитарное знание.

Ключевые слова: Гумилев, интерпретация, преемственность ошибок, историко-культурный контекст.

Bondarev A.V., Saraev A.S. Problems of perception of the scientific heritage of LN Gumilyov: the critics and the skeptics

The article deals with the methods and systemic misunderstanding of historical and cultural creativity L.N. Gumilyov. Authors on the large text material show that misunderstanding and false interpretations of works Gumilyov has its own continuity. Isolation of an authentic philosophical thought ENU was an important contribution to the modern humanities.

Keywords: Gumilyov, interpretation, continuity errors, historical and cultural context.

Имя Льва Николаевича Гумилева (1912–1992) известно представителям самых различных областей науки от физики до психологии – настолько многогранно его научное наследие. Но прежде

всего Л. Н. Гумилев – историк, причем в самом широком значении слова: историк-востоковед, историк России, теоретик истории, историко-географ, археолог. Сам Гумилев предпочитал называть себя этнологом, что оправданно, если воспринимать этнологию как теоретическую науку, отличая ее от описательной этнографии. Двойственность терминологии породила недоразумение, когда многие апологеты стали называть Гумилева единственным «основателем этнологии», дав критикам дополнительный аргумент для нападок¹.

В своих неизменно междисциплинарных работах Гумилев решал те или иные задачи, опираясь на достижения как гуманитарных, так и естественных наук. К изучаемому материалу он всегда подходил многосторонне, в зависимости от решаемой исследовательской задачи меняя угол зрения и степень приближения, сочетая гуманитарные и естественно-научные методы исследования². Простого же читателя неизменно привлекал легкий язык, свойственный всем без исключения книгам Гумилева³ и делавший доступными, а главное, интересными сложнейшие и скучнейшие для непосвященных научные проблемы. Не меньшее значение имели оригинальность постановки задач, свежесть тем, неординарность названий, так и приглашавших читателей отправиться вместе с автором на поиски никогда не существовавшего христианского царства «пре-свитера Иоанна», следов хазар на Нижней Волге и Северном Кавказе или же «фактора X», приводящего в движение целые народы.

¹ Так, В. А. Шнирельман не без иронии отвечал на это, что Гумилев как основатель этнологии «не провел ни одного полевого этнографического исследования и игнорировал огромный массив этнографических материалов» [1, с. 3]. Справедливости ради заметим, что то же с полным правом можно сказать и об академике Ю. В. Бромлее – создателе официальной советской теории этноса, заведовавшем главным этнографическим институтом, но не занимавшимся собственно полевыми этнографическими исследованиями.

² Обоснования методологических подходов даны в статьях [2], [3].

³ С.Б. Лавров считал, что первые работы Гумилева «отчаянно трудны, даже если украшены нарочито публицистическими названиями глав. Они загромождены трудно воспринимаемыми именами, названиями, этнонимами, калейдоскопом дат» [4, с. 224]. Мнение это, подхваченное В. Н. Деминим, помогло ему обнаружить в книге Гумилева «Хунну», написанной «далеко не в лучших традициях научной литературы», «тучи канцелярских оборотов и наукообразных выражений» [5, с. 125]. Странно, но говорится это о монографиях, которые по определению не должны быть популярными, притом что одним из главных недостатков первых работ Гумилева критики считали именно их легкий литературный стиль.

Последнему Гумилев дал бессмертное имя – *пассионарность*. Даже критики не могли не признать важности открытия этого феномена. Так, например, известный востоковед И.М. Дьяконов отмечал, что «явление это имеет огромное, часто ключевое историческое значение, хотя до сих пор проходило для историков незамеченным» [6, с. 226].

Тем не менее ни широкая известность работ, ни заслуживающие уважения факты биографии не гарантировали автоматического признания заслуг Л. Н. Гумилева как ученого. Личность и идейное наследие Л. Н. Гумилева по-прежнему вызывают самое неоднозначное отношение и прямо противоположные оценки: от признания его великим ученым до представления о нем как о фантазере и лжеученом. Часто приходится слышать, что Гумилев – не историк и вообще не ученый, а «сознательный фальсификатор», «лукавый мифотворец», «полуграмотный обманщик», «свихнувшаяся жертва сталинского режима», «расист», «антисемит» и к тому же «русский националист». Приходится слышать и читать, что Гумилев, если и имел образование, то оно ограничивалось неполным курсом исторического факультета, а все остальное – «лагерные университеты». Причем заведомо предполагается, что ничего путного из такого «образования» не могло получиться. Подобные характеристики касаются не только работ Гумилева по этногенезу, но и востоковедческих, о которых говорится, что основаны они лишь на переводах, причем устаревших, поскольку их автор якобы не знал ни одного восточного языка, не владел элементарными приемами источниковедения и просто выдумывал факты на каждом шагу. Для научной среды эти представления стали столь очевидными истинами, что до сих пор нет ни одного серьезного анализа конкретно-исторических работ Л. Н. Гумилева [7, с. 27]¹.

Полярность суждений очевидна, и ее нельзя признать нормальной. Более 20 лет, прошедших со времени смерти Гумилева, вполне

¹ Заметим, что и В. А. Коренько, будучи археологом, специализирующимся на кочевниках Великой степи, сам отмечает отсутствие «нормальной, подробной и системной историографической критики сочинений Л.Н. Гумилева», однако вместо преодоления этой лакуны он посвящает основную часть своей статьи декларативному и малоубедительному «низведению» пассионарной теории.

достаточно, чтобы поставить хотя бы основные задачи и проблемы изучения его наследия и расставить соответствующие акценты. Вместо этого мы имеем на одном полюсе «великого ученого, гения», на другом – «дилетанта, неученого, фантазера». Можно было бы вообще усомниться в необходимости подобных изысканий, как и в значимости личности Гумилева. Но это не так, интерес к научному наследию Л. Н. Гумилева огромен, а публикации о нем идут одна за другой.

Представляется чрезвычайно важным попытаться объяснить причины столь резкого расхождения в оценках исследователей, постараться понять причины значительной популярности и востребованности идейного наследия этого неординарного ученого. Необходимо при этом учитывать, что многогранность и неоднозначность его творчества, а также неординарность его личности породили немало мифов, превратно переданных слухов, идеологических обвинений и субъективных предубеждений, часть которых мы уже перечислили. Все это делает весьма непростой задачу адекватного понимания того, что хотел донести до нас Л.Н. Гумилев, какова была его миссия в науке и т.д.

Особенности критики. В сознании большинства критиков Л. Н. Гумилев предстает неким *enfant terrible* советской и постсоветской историографии. Нормой стало упоминание его в одном ряду с дилетантами, а хорошим тоном для серьезных исследований – игнорирование его работ вообще и сознательное исключение их из перечня использованной литературы. Для того чтобы окончательно скомпрометировать работы Гумилева, некоторые критики используют самые недостойные способы ведения полемики: метод передергивания цитат, недобросовестного выдергивания из контекста отдельных фраз, метод «унижающего сопоставления» (с А. Фоменко, А. Розенбергом и даже А. Гитлером!), метод «додумывания» хода мысли за автора или вовсе приписывания чуждых критикуемому ученому идей и высказываний (отсюда и берутся новые мифологемы и ярлыки – «фантазер», «не ученый», «сказки дедушки Гумилева»). Эти методы составляют лишь часть более обширных технологий по дискредитации Л. Н. Гумилева, его личности и идей. Спорить с такими авторами, использующими в качестве

доказательств и аргументов лишь ложь, подтасовки и оскорбления, разумеется, бессмысленно. *«Я не против критики, – неизменно подчеркивал Гумилев, – тем более если она конструктивна. А вот дискредитация сильного всегда была уделом слабых и корыстных...»*.

Постепенно вокруг имени Л. Н. Гумилева создалась странная ситуация, когда даже благожелательно настроенные по отношению к нему авторы нередко называли его работы парадоксальными, не вписывающимися в рамки традиционной или официальной науки. Для критиков подобная позиция вообще единственно возможная, но с явным смещением акцента в сторону отрицания всякой ценности и достоверности сочинений Гумилева.

Таким образом, мы можем условно выделить три варианта отношения к научному наследию Л. Н. Гумилева: 1) его работы можно знать и принимать (разделять какие-то взгляды и концепции); 2) знать, но не принимать; 3) не знать и, ссылаясь на чужое мнение, не принимать. Последняя точка зрения наиболее распространена среди критиков Гумилева, поэтому рассмотрим её поподробнее.

Безусловное право каждого ученого – не принимать взгляды коллег и выдвигать контраргументы. В науке, однако, встречаются примеры критики намеренно организованной, а также сознательно-го замалчивания работ какого-либо автора. И то и другое ярко проявилось уже с выходом в 1960 г. первой монографии Гумилева – «Хунну». Сначала на нее появилась разгромная рецензия [10], написанная сотрудником того института (Институт востоковедения АН СССР), под грифом которого вышла книга. Одно это уже само по себе странно, поскольку присвоению грифа академического учреждения должны предшествовать рецензирование рукописи и не одно обсуждение с участием автора. Так оно и было, и если бы книга оказалась настолько плохой, то ее просто бы не допустили до печати. За рецензией последовало два публичных обсуждения [11]. В ходе первого (в Эрмитаже) голоса «за» и «против» разделились примерно поровну, но на втором (в Институте востоковедения) при отсутствии автора была признана полная правота рецензента.

После этого книгу стало возможным игнорировать, и в том, как это делалось, также выявляется определенная закономерность. Она

хорошо видна на примере одного издания – собрания сочинений В. В. Бартольда. Редактором-составителем V тома, в котором помещены работы академика Бартольда по истории тюркских и монгольских народов, был С. Г. Кляшторный, выступавший на обсуждении «Хунну» с резкой критикой книги и ее автора. Несмотря на то, что тематика тома полностью совпадала с областью интересов Гумилева, а к 1968 г., когда том был издан, помимо «Хунну» вышли в свет еще две его монографии – «Открытие Хазарии» (1966) и «Древние тюрки» (1967), – ни одна из них не была упомянута редактором в комментариях, содержащих ссылки на новейшую литературу (издания 1966 и 1967 гг. там имеются) по истории тюрков и монголов. Подготовкой же части первой II тома занимался Б.Я. Ставиский, поддержавший Л. Н. Гумилева на обсуждении «Хунну». Неудивительно поэтому, что им в одном из комментариев к очерку Бартольда «Киргизы» среди последних работ по хуннам упомянута и книга Гумилева [12, с. 475].

Однако поначалу игнорирование даже вызывало удивление у части нейтрально настроенных по отношению к Гумилеву коллег. Так, в автореферате докторской диссертации Гумилев сообщал, что примет участие в написании разделов по истории хуннов и тюрков для I тома готовящейся «Истории Сибири» [13, с. 26]. Когда в 1968 г. том вышел, среди авторов Гумилева не оказалось, и более того, ни его имя и ни одна его работа в нем не упомянуты. Рецензентами тома это было отмечено: «Известное завершение процесс классообразования в кочевом обществе нашел со времени сложения гуннского объединения, которое в рассматриваемой книге могло быть охарактеризовано и более полно. Обращает на себя внимание, что автором соответствующего раздела не использованы работы Л. Н. Гумилева» [14, с. 288–289]. Игнорирование тем же автором (М. И. Рижским) книги «Хунну» также было отмечено в рецензии на его научно-популярную книгу по археологии Забайкалья [15, с. 305]. Однако уже на следующую крупную монографию Гумилева – «Древние тюрки» – не было опубликовано ни одной научной рецензии; коллеги решили оставить ее выход без внимания.

Это замалчивание дало со временем свои плоды. Когда первые оппоненты Гумилева из среды востоковедов и археологов готовили

учеников, то прививали им предвзятое к Гумилеву отношение. А ученики тех учеников и вовсе не читали его статей и книг, но с падением идеологических запретов возродили миф, запущенный еще в ходе первой дискуссии по «Хунну», согласно которому все востоковедные работы Гумилева не несут ничего оригинального, являясь пересказом старых западных и отечественных работ по истории кочевников, и в лучшем случае могут считаться удачной (в смысле доступного стиля изложения) популяризацией чужих достижений. Так, по мнению автора некролога Гумилеву М. И. Чемерисской, самая его классическая монография «Хунну» как раз «наименее оригинальна» [16]. А почему так – не разъясняется. И.Н. Данилевский, анализируя работы Гумилева по истории Руси, одной из главных его заслуг считает открытие мира степей для школьников, т.е. снова популяризаторство [17, с. 338]. Византист С. А. Иванов называет книги «Хунну» и «Древние тюрки» «до какой-то степени кондиционными», однако общий вклад Гумилева в науку, по его мнению, близок нулю [18].

И тут мы переходим ко второму парадоксу, заключающемуся в априорно предвзятом отношении к Л. Н. Гумилеву при крайне поверхностном знании его работ. Зададимся вопросом, который, кажется, еще никогда не ставился: на чем основывается и насколько самостоятельна критика наследия Л. Н. Гумилева? Дело в том, что обычно вполне здравомыслящие скептики, говоря о ненужности дальнейшего опровержения его работ, ссылаются, казалось бы, на сильный и убедительный аргумент – единодушные уже существующей критики. Однако авторы этих строк, непрерывно отслеживая неизменно пополняющийся корпус антигумилевских работ, нередко испытывали странное ощущение, что нечто подобное уже где-то читали. При детальном сличении критических работ разных авторов получилась поразительная картина: многие из них основываются не на собственном анализе сочинений Гумилева и новейшей научной литературы, а на критике прошлых лет, нередко заимствуемой без ссылок.

Приведем ряд характерных примеров. В упомянутой статье С. А. Иванова говорится: «Единственная книга, которая написана по законам жанра, – это самая ранняя его монография, “Хунну”, но

как раз она наименее оригинальна. Просто «в тюрьме он научился выуживать необходимые сведения из научно-популярных книг»». Нетрудно заметить, что первая часть фрагмента заимствована автором из статьи М. И. Чемерисской, следующее предложение (в кавычках) – из воспоминаний литературоведа Э. Г. Герштейн [19, с. 443]¹ – давней знакомой Гумилева, но явно не эксперта по востоковедению, т.е. то и другое основано не на собственном анализе книги «Хунну», а взято из вторых рук. Следующий фрагмент статьи С. А. Иванова: «Его сочинения пестрят выражениями типа “поле”, “лучистая энергия Солнца”, “биоритмы”, “сигнальная наследственность”, “перегрев”... <...> Многочисленные графики и кривые в работах Гумилева не должны сбивать с толку – ни про одну из единиц и составляющих этих чертежей ни разу не сказано, чему они соответствуют и как их мерить» – в вольной форме пересказывает фрагмент статьи Л. С. Клейна [20, с. 231]. Этот же пересказ присутствует и у И. Н. Данилевского [17, с. 337].

Статья же последнего «Читая Л. Н. Гумилева» оказалась основным источником для исследования борца с «лжеисторией» А. Е. Петрова. Вся критика взглядов Гумилева на татаро-монгольского нашествия и «иго» в его статье позаимствована у И. Н. Данилевского [21, с. 43–45]. Это подтверждается идентичностью не только содержания текстов обоих авторов, но и ссылок на работы Гумилева, совпадающих вплоть до годов издания и номеров страниц [17, с. 339, 343–344, 379]. Другим источником заимствования А. Е. Петрова стал учебник А. Г. Кузьмина по истории России, на который он даже не ссылается. Однако сличение текстов говорит само за себя: «Стремление смотреть на историю России только с точки зрения интересов Степи и степных народов привело Л. Н. Гумилева к использованию методик, характерных для лженаучных сочинений» [21, с. 43]; «...Л. Н. Гумилев предпочитал смотреть на историю России с точки зрения интересов Степи, степных

¹ Важно отметить, что Эмма Герштейн не вкладывала в эти слова чего-либо оскорбительного. Напротив, на следующей странице она подытоживает вышесказанное: «Как видим, с получаемой литературой Лев Николаевич работал в лагере рассудительно, целеустремленно и увлеченно. Ко времени ареста 1949 г. он был уже достаточно подготовлен..., чтобы не тонуть в избыточных идеях, нередко возникающих у одаренных людей в долгом одиночестве».

народов. В результате он пришел к выводу о благотельном характере монгольского завоевания для Руси...» [22, с. 321]. Остается только удивляться, как такая компилятивная статья могла быть выполнена в рамках международного проекта, финансирующего серьезные научные исследования.

Другой автор, для которого лженаучный характер работ Гумилева не требует особых доказательств, Ю. И. Семенов [23, с. 5], восхищаясь критикой Л. С. Клейна и Я. С. Лурье, фактически многое у обоих позаимствовал. Приведем только два примера. Так, со ссылкой на Клейна Семенов утверждает, что «в его [Гумилева] историософских, и не только историософских, работах момент расизма несомненно присутствует» [23, с. 79]¹. Чтобы понять, насколько это «несомненно» доказано, обратимся к источнику заимствования: «Ученый оговаривает, что его “этнос” – не раса. Вероятно, он и сам в этом убежден. Но нам-то как убедиться, что это его заявление не чисто декларативное? И далеко ли отстоит его “этнос” от общепринятого понятия “раса”?» [20, с. 234]. Как видно, Л. С. Клейн, обвиняя Гумилева в нелогичности построений и отсутствии методологии, сам применяет по меньшей мере странный прием доказательства – цепь намеков. Он хочет возбудить в читателе своей статьи сомнение и подвести его к выводу, который прямо не формулирует, но который со всей очевидностью вытекает из его наводящих вопросов. Вот на этой цепи намеков Ю. И. Семенов и построил утверждение о «несомненном присутствии момента расизма», причем не только в историософских, но и в исторических работах Гумилева, хотя о последних у Клейна ни слова.

У другого критика, Я. С. Лурье, Семенов заимствовал ссылку на критическое замечание польского слависта А. Поппе в адрес монографии Гумилева «Поиски вымышленного царства» [23, с. 182], [24, с. 176]. Поппе назвал книгу «красивой болтовней» (Семенов для красочности заменил «болтовню» «трепотней») о странствованиях по вымышленным землям, неким «перфектологическим», т.е.

¹ О силе доказательств этого автора свидетельствует продолжение цитированной фразы: «Но если сам Л. Н. Гумилев прямо и не объявлял расы субъектами исторического процесса, то были люди, которые это делали». Совершенно понятно, что таким способом можно обвинять кого угодно в чем угодно.

обращенным к прошлому, романом и удивлялся серьезной реакции на нее Б. А. Рыбакова. Уже от себя Семенов добавляет, что, по мнению Поппе, «роман» этот никакого отношения к исторической науке не имеет. И совсем уж комично выглядит интерпретация этого сообщения в недавней статье Л. А. Мосионжника, по мнению которого «крупный польский историк Древней Руси профессор А. Поппе воспринял книгу Гумилева как роман в стиле исторической *fantasy*» [25, с. 305]. Впрочем, если не видеть оригинала заметки, к ее содержанию можно добавлять что угодно, лишь бы упрек в «красивой» болтовне выглядел правдоподобнее. В действительности в этой заметке, кроме приведенного Я. С. Лурье ее пересказа и предельно краткого изложения концепции Гумилева, нет больше ничего. Представляет она из себя всего лишь отрывок из аннотированного библиографического описания новой литературы о «Слове о полку Игореве», половину которого занимают собственно ссылки на монографию и статью Гумилева, а также на рецензию Б. А. Рыбакова [26, с. 220]. Так что поднимать на щит случайно брошенную фразу, за которой не стоит даже минимальной аргументации, не очень-то осмотрительно.

В свою очередь, Я. С. Лурье тоже нашел, что позаимствовать у Л. С. Клейна. И, как ни удивительно для специалиста-источниковеда, позаимствовал он фрагмент, касающийся критики источниковедческой методики Гумилева: «Л. Н. Гумилев начисто отвергает всякое источниковедение, объявляя его “мелочеведением”, при котором “теряется сам предмет исследования”»: “Для нашей постановки проблемы, – писал он, – источниковедение – это лучший способ отвлечься настолько, чтобы никогда не вернуться к поставленной задаче – осмыслению исторического процесса”» [24, с. 169]. Л. С. Клейн двумя годами ранее писал о том же: «...Л. Н. Гумилеву не хочется тратить силы на работу с источником: “восстановление его истинного смысла – дело трудное и не всегда выполнимое... Короче, для нашей постановки проблемы источниковедение – это лучший способ отвлечься настолько, чтобы никогда не вернуться к поставленной задаче – осмыслению исторического процесса”» [20, с. 230]. И снова совпадают сами цитаты из Гумилева, годы издания книги, откуда они взяты и, соответственно,

номера страниц. К заимствованию этой фразы присоединились много позже В. А. Шнирельман и С. А. Панарин, писавшие: «Не желая заниматься кропотливым трудом по критике источников, он заявлял, что “источниковедение... отвлекает от осмысления исторического процесса”» [27, с. 8]. Ссылка на работу Гумилева идентична двум предыдущим.

Однако еще более важным источником статьи Шнирельмана и Панарина, не упомянутым в ссылках, является рецензия В. И. Козлова на монографию Гумилева «Этногенез и биосфера Земли» [28]. Состоит рецензия большей частью из комментированных выписок оттуда. В свете приведенных фактов уже не покажется удивительным, что множество выписок Шнирельмана и Панарина находят полное соответствие с выписками В. И. Козлова [27, с. 12–13]. Из статьи последнего авторы заимствовали также пример со «славяно-болгарской химерой»: «Исторические примеры полиэтнических “химерных” образований, приводимые Л. Н. Гумилевым, весьма неубедительны; достаточно показателен в этом отношении пример взаимодействия кочевых тюркоязычных болгар с оседлыми южнославянскими племенами, в результате чего... возникла отнюдь не химера, а столь жизнестойкий болгарский этнос...» [28, с. 107]; «...конкретные доказательные примеры Гумилева изобилуют разительными противоречиями и взаимными неувязками. Почему тюрко-славянский симбиоз в Болгарии времен хана Аспаруха породил “химеру”, а аналогичный симбиоз русских с татарами пошел Руси лишь на пользу?» [27, с. 27].

Возвращаясь к спекуляциям о расизме Гумилева, приведем еще один пример несамостоятельной критики. Археолог и антрополог Л. Т. Яблонский пришел к следующему заключению: «Многочисленные попытки установить расовую основу тех или иных культурных форм основаны на глубоко тенденциозных посылах о влиянии биологического фактора на ход исторического процесса. Как известно, подобные попытки в последнее десятилетие получили интенсивное развитие в трудах Л. Н. Гумилева и его последователей...» [29, с. 78–79]. При этом Яблонский ссылается без указания страниц сразу на три тома депонированной в ВИНТИ рукописи Гумилева «Этногенез и биосфера Земли». Статья, заметим, вышла в

1996 г., когда эта рукопись была уже неоднократно издана и переиздана в виде отдельной книги. Вторая ссылка отправляет читателя к критической статье [30] в адрес работы, превратно интерпретирующей некоторые идеи Гумилева. Но какое это имеет отношение непосредственно к Гумилеву? Все недоумения, однако, проясняются при обращении к третьей работе, на которую ссылается Яблонский, – книге академика В. П. Алексеева «Этногенез» [31, с. 4–5]. Оказывается, В. П. Алексеев именно в такой форме ссылается на две вышеназванные работы. Для 1986 г. ссылка на депонированный трехтомник логична, поскольку первое печатное издание «Этногенеза...» вышло только в 1989 г. Но главное даже не в том, что Л. Т. Яблонский, не открывая книги Гумилева, выдвигает серьезнейшее обвинение его в расизме, а в том, что та критика, на которую он опирается, не дает достаточных оснований для подобного обвинения. В. П. Алексеев в действительности писал: «Л. Н. Гумилев аргументировал многими историко-географическими наблюдениями и теоретическими соображениями представление о народах как о каких-то природных общностях, сходных с популяциями... и образующих так называемую этносферу, тесно связанную с биосферой. Гипотеза эта развивалась ее автором на протяжении многих лет и аргументировалась в ряде специальных работ... Схематичное изложение этой гипотезы вызвало справедливую критику, но и при ее развернутой аргументации она встречала многочисленные возражения по конкретным вопросам взаимодействия общества и природы в разных районах мира». Как видим, В. П. Алексеев, не будучи согласным с Гумилевым, предельно корректен и отнюдь не обвиняет его в расизме.

«Критики» и «скептики». Мы намеренно почти не касались вопроса о справедливости приводимых критических суждений в адрес работ Л. Н. Гумилева. По нашему мнению, определение источников этой критики переносит проблему в иную плоскость: *вопрос справедливости критики* уступает место *вопросу о ее достоверности*. Как было показано выше, значительная доля критики Гумилева новейшего времени основывается не на новом прочтении и анализе его работ, а на заимствовании фрагментов критики прежних лет в модернизированном словесном оформлении, а иногда с

заменой смысла до противоположного. Как можно определить подобную критику?

Для ответа на поставленный вопрос нам пригодится определение, данное крупным английским философом и методологом истории Р.Дж. Коллингвудом: **критик** – это «человек, который хочет и может самостоятельно воспроизвести работу чьей-нибудь мысли, чтобы убедиться, была ли она хорошо проделана» [32, с. 240]. Критику, т.е. человеку думающему, стремящемуся к установлению истины, Коллингвуд противопоставлял **скептика**, «который не желает этим заниматься, и так как вы не в силах заставить человека думать, как лошадь – пить, то в нашем распоряжении нет способов доказать скептику, что определенная мыслительная работа проделана хорошо и, следовательно, нет оснований принимать близко к сердцу его замечания». Это разделение на «критиков» и «скептиков» представляется удачным и предельно точно описывающим коллизию с оценками научного наследия Л. Н. Гумилева.

Теперь можно без сомнения сказать, что пока мы имели дело лишь с примерами работ «скептиков», для которых ненаучность всего созданного Гумилевым настолько очевидна, что они себя не утруждали проверкой достоверности ни собственных суждений, ни заимствованных у своих коллег. Однако неправота скептиков не значит, что все в наследии Гумилева должно безоговорочно приниматься как раз и навсегда установленное. Следует принимать во внимание и то, что взгляды самого ученого не оставались неизменными, ведь он постоянно находился в творческом поиске. Менее всего Гумилев был похож на догматика, изрекающего «неизменные и единственно верные истины», каким он видится иным апологетам и эпигонам, поэтому было бы преступно по отношению к памяти ученого консервировать его наследие в том виде, в каком оно зафиксировано в его опубликованных трудах. Не этого хотел Гумилев, предполагая совершенно обратное: *«И то, что пишу я, вероятно, будет через полвека переосмыслено, но это и есть развитие науки»* [33, с. 71].

Таким образом, проблема адекватной оценки наследия Л. Н. Гумилева, т.е. подлинной «критики», состоит в первую очередь в отказе от априорных установок, как отрицательных, так и

положительных. Его наследие нуждается больше всего не в восхвалении (равно как, конечно же, и не в поспраии), а в развитии и всестороннем изучении, что не исключает выявления конкретных ошибок и упущений или отказа от ряда преждевременных неподтвердившихся гипотез. В этом смысле симптоматична реакция скептиков на любую обнаруженную у Гумилева ошибку или неточность или хотя бы намек на их наличие. Каждый подобный факт раздувается до немыслимых размеров и служит в представлении скептиков доказательством несостоятельности Гумилева как ученого и всех его работ в целом.

На поверку все оказывается не совсем так. Выше мы приводили пример беглого замечания Анджея Поппе о книге Гумилева, которое, будучи заимствовано несколько раз по цепочке, по принципу «испорченного телефона» дало результат, мало похожий на оригинал, не говоря уже о том, что и оригинал, в общем, не содержал никаких доказательств ошибочности построений Гумилева. Приведем еще одно скептическое суждение, сходным образом интерпретирующее заимствованную критику: «Долгое время он занимался в основном кочевниками степей Евразии. И в этих его работах было множество натяжек, ни на чем не основанных положений. Но востоковеды, видя все это, щадили его. Л. Н. Гумилев был человеком, пострадавшим от власти, гонимым, и никому не хотелось присоединяться к гонителям. Однако полностью воздержаться от критики его построений они не могли. Китаисты, например, отмечая ошибочность его построений, связывали это с “органическими дефектами источниковедческой базы его исследований”. В частности, они указывали, что основными использованными источниками являются у Л. Н. Гумилева такие материалы, которые в действительности “представляются второстепенными в общей совокупности источников, имеющихся сегодня в распоряжении исследователя”» [23, с. 181–182]¹.

Эта же цитата из работы китаеведов была заимствована Л. А. Мосионжником именно у Ю. И. Семенова (есть ссылка), но, видимо, в его распоряжении оказалась другая книга тех же авторов,

¹ Цитируется следующая работа: [34, с. 8].

и он не без удивления отметил: «Впрочем, в следующей книге той же серии эти авторы пользовались данными, приводимыми Л. Н. Гумилевым и его стихотворными переводами, хотя не всегда соглашались с его интерпретациями...» [25, с. 305]¹.

А есть ли основания для удивления? Ведь далеко не все ученые, специализировавшиеся по конкретным историческим дисциплинам, поддерживали априорное мнение о «неученом» (иногда даже «лжеученом») Гумилеве. Были те, кто действительно читал его работы, находя в них недостатки, но одновременно не затушевывая и достоинства. Авторы указанной серии монографий по этнической истории китайцев вполне могут быть отнесены к последней категории. Ими отмечались не только «органические дефекты источниковедческой базы» книги Гумилева «Хунны в Китае», но и то, что эта книга – «единственная на русском языке монография об этнических взаимоотношениях на севере Китая в первой половине I тысячелетия н. э.» [34, с. 7]. Не соглашаясь с Гумилевым в вопросе о древнекитайской демографии, авторы посвящают аргументации своих возражений специальный очерк, а не просто отмахиваются от его доводов, как ненаучных [34, с. 60–68]². Кроме того, несмотря на полемику по разным вопросам (от причины переселения кочевников в Китай [34, с. 69–70] до проблемы разделения китайского этноса на два – северный и южный [34, с. 279–280]), не все мнения Гумилева им кажутся неудачными [34, с. 86], и в одном месте они даже цитируют документ (письмо согдийского купца) по его книге [34, с. 101]. В другом томе этой серии авторы, ссылаясь на мнение Гумилева, называют его «специалистом по истории сюнну» [37, с. 58] (хуннов). В устах китаеведов, особенно после дискуссии по первой монографии Гумилева «Хунну», такая аттестация должна считаться высшей похвалой.

Приведем еще несколько примеров аргументированной критики. Этнограф-кочевниковед, специалист по ламаизму Н. Л. Жуковская, признавая научную значимость работ Гумилева по буддийскому искусству и добуддийским верованиям монголов и

¹ Ссылки им приводятся по книге: [35].

² Впрочем, исследования современных демографов подтверждают скорее точку зрения Гумилева. См.: [36, с. 177–183].

тибетцев [38, с. 192–193], [39, с. 28], в то же время полагала ошибочными представления Гумилева и его соавтора Б. И. Кузнецова о природе древнемонгольской религии и сущности шаманизма [39, с. 27]. Директор Института востоковедения АН СССР академик Б. Г. Гафуров считал необходимым по вопросу, были ли эфталиты кочевниками или горцами, специально отметить свое несогласие с Гумилевым, причем поставив его наравне с крупнейшим немецким востоковедом: «В этом вопросе мы согласны с Ф. Альтхаймом и полностью расходимся с Л.Н. Гумилевым» [40, с. 266]. Важно в данном случае не то, ошибался Гумилев или нет (обе точки зрения по-прежнему существуют), а то, что ученый столь высокого ранга считался с его мнением.

Наконец, сошлемся на неопубликованную статью уже упоминавшегося Б. Я. Ставиского, машинопись которой хранится в музей-квартире Л. Н. Гумилева [41]¹. Статья имеет целью отвести нападки монголоведа И. Я. Златкина, обвинявшего Гумилева в отсутствии в его теоретических статьях марксистской методологии. Однако автор подошел к своей задаче не апологетически и наряду со справедливой критикой излишне догматической позиции Златкина отмечал и некоторые упущения Гумилева. Так, по его мнению, можно было бы полнее использовать работы В. И. Вернадского и более развернуто объяснять, на какие взгляды последнего автор опирается. Б. Я. Ставиский жалеет, что некоторые положения своей концепции Гумилев формулирует недостаточно четко – «то ли из-за необходимости уложиться в рамки журнальных статей, то ли в силу их недоработанности» – и не всегда сам следует в своих конкретных историко-географических исследованиях (без указания примеров) выдвигаемым методологическим принципам. Таким образом, объясняя, почему не прав И. Я. Златкин, Ставиский также обращает внимание на те спорные места в одной из статей Гумилева, которые могли эту критику вызвать. В завершение он призывает к продолжению дискуссии по поднятым Л. Н. Гумилевым проблемам: «Пусть только это обсуждение носит спокойный и деловой характер и преследует цели товарищеской конструктивной критики ради

¹ Машинопись на 8 листах. Не датирована, но не позже начала 1971 г.

создания научной теории этногенеза, а не шельмования того или иного советского ученого...». К последнему выводу мы всецело присоединяемся.

Оценивая научное наследие любого неординарного ученого, следует различать две вещи: *постановку проблем*, с одной стороны, и *методы их решения* – с другой. В постановке проблем Гумилев, безусловно, обладал поразительно верным чутьем гениального ученого, всецело охваченного явленной ему огненной вспышкой озарения. Вместе с тем нельзя закрывать глаза и на ряд фактических ошибок¹, явных передержек и спорных моментов в интерпретациях, имеющих в работах Гумилева и отмечавшихся как им самим, так и различными исследователями [42]. Кроме того, наука не стоит на месте, и современными учеными было внесено значительное число уточнений в предложенные в свое время Гумилевым реконструкции этнополитической, социальной и этнокультурной истории народов Евразии.

Но разве как-то иначе обстоит дело с научным наследием М. В. Ломоносова и Н. М. Карамзина, С. М. Соловьева и В. О. Ключевского, Т. Моммзена и Э. Майера или современной оценкой философско-исторических концепций Дж. Вико и И. Г. Гердера, О. Шпенглера и А. Дж. Тойнби? Современных ученых многое может не устраивать в их сочинениях. Тем не менее никто даже из самых въедливых критиков не позволяет себе в их адрес тот оскорбительный тон, который зачастую имеет место в отношении Л. Н. Гумилева². Почему так происходит? Ведь научные и историософские взгляды Гумилева, равно как и других мыслителей прошлого, следует оценивать исторически, в контексте своей эпохи и без априорных предубеждений, за которыми на самом деле скры-

¹ Кстати сказать, очень многие «ошибки», встречающиеся в работах Л. Н. Гумилева, на самом деле являются не более чем опечатками, допущенными сознательно либо по безответственности редакторами и корректорами его книг. Число же такого рода «ошибок» в бесчисленных пиратских переизданиях трудов ученого просто вселяет ужас. Складывается впечатление, что на Гумилеве издательства просто зарабатывают деньги, не заботясь ни о качестве собственной продукции, ни о том, как это сказывается на научном реноме автора, который приносит им громадные доходы.

² Некоторые из прежде непримиримых критиков позже даже сожалели об излишне резком тоне своих прежних работ в его адрес: [43], [44, с. 547].

ваются не более чем мифы и предвзятые штампы. Прав был С. Б. Лавров, когда писал: «Об идеях Л. Гумилева можно спорить, но, как и об идеях любого крупного ученого, спорить надо квалифицированно и корректно». Как справедливо уже отмечалось в литературе, посвященной Гумилеву, по-настоящему великий ученый ценен не только своими открытиями и прозрениями, но даже своими ошибками, просчетами и заблуждениями [45, с. 51]. Этот тезис подтверждает вся история науки.

Научное наследие Л. Н. Гумилева отличается значительной сложностью, неоднородностью, неравнозначностью и многослойностью, что и обуславливает его общую неоднозначность в целом. Действительно, сейчас многие положения и выводы Гумилева кажутся недостаточно обоснованными. Однако надо иметь в виду, что в свое время некоторые из них могут сыграть свою позитивную роль, становясь импульсом к исследовательским поискам других ученых. Ведь своевременная и правильная постановка проблемы нередко бывает не менее значима, чем собственно само ее решение. Более того, история науки знает множество случаев, когда даже ложная посылка, если она затрагивает существо дела, также может в условиях конструктивной критики привести к значительным научным результатам. Какой бы гипотетичной ныне не казалась та или иная идея Гумилева, это еще не повод ее отбрасывать. Кроме того, поднятые Гумилевым проблемы были невероятно сложны и носили междисциплинарный характер, а в его распоряжении находились всего два ученика, которые к тому же были между собой в весьма сложных отношениях. Если принимать все это во внимание, то становится понятным, что далеко не все идеи Гумилева являются равноценными, следует признать, что на настоящий момент лишь некоторые из его интуитивных догадок находят свое подтверждение. Тем большее значение они для нас имеют. Несчастье Гумилева было в том, что как объективные условия жизни и работы, так и личные субъективные особенности его научного темперамента не давали ему возможности спокойно и взыскательно разобраться в бурном потоке захвативших его идей и отделить в них подлинно научное, выверенное и прочное от сомнительного, ненадежного и гипотетичного. Следует согласиться с мнением тех, кто считает,

что Гумилев оставил после себя больше вопросов, чем ответов. Он поставил перед наукой новые фундаментальные проблемы, поиск их решения будет стимулировать работу еще не одного поколения ученых в самых различных областях научного знания. Тем не менее на этом междисциплинарном пути, пусть лишь только намеченным Гумилевым, исследователей подстерегает и целый ряд сложнейших теоретико-методологических, методических и чисто практических трудностей.

О научном этосе и причинах негативного восприятия работ Гумилева. Как известно, необходимым условием научной критики является адекватное понимание объекта критики, но этого-то как раз и не доставало и до сих пор не хватает большинству оппонентов Гумилева. Причин для такого «непонимания» множество, причем у каждого критика они могут быть разными. В прошлом это и личная неприязнь, зависть к несомненной одаренности, ревность к научным успехам, опасения карьерного толка и т.д.

В целом же на настоящий момент помимо всех прочих разногласий имеется несколько основных причин негативного восприятия работ Гумилева среди критически настроенных авторов.

Во-первых, это, конечно, новизна выдвинутых Гумилевым идей, потребовавших разработки нестандартных теоретико-методологических подходов и непривычной методики исследования, оригинальность стиля и спорность полученных выводов, противоречащих общепринятым в традиционной исторической науке. В этой связи С. Б. Лавров очень точно отмечал, что «идеи Л. Гумилева были оригинальны, а иногда и парадоксальны. Они подавались им нарочито заостренно, публицистично» [46]. Как писал сам Гумилев, «самым трудным для моей научной идеи было то, что ее негде было обсудить, поскольку это синтетическая наука, а все отвечали, что это не по их специальности» [47, с. 16].

Во-вторых, это нарушение корпоративных канонов того научного сообщества, которое сложилось в условиях тоталитарного строя в 30–50-х годах и для которого выживший после маховика репрессий Гумилев был опасным конкурентом и бесчинствующим возмутителем академического спокойствия. На эту причину неприятия Гумилева, весьма существенную в плане антропологии акаде-

мической жизни, обратил внимание А. И. Куркчи: «Когорта готова была принять “приглаженного” вольнодумца, сделав его ручным, но не хотела видеть в нем лидера. Но именно лидера она и почувствовала в нем, и этого ему не простили» [48, с. 43].

В-третьих, это сила инерции неприятия работ Гумилева, чисто психологической инерции старого предвзятого отношения, инерции мифологем и устоявшихся стереотипов.

В-четвертых, это идеологические расхождения. Многие критики не разделяют евразийских убеждений Гумилева, им чужда его гражданская позиция искреннего патриота своей страны [49], [50], [51].

Но наиболее существенной причиной, объясняющей недостатки имеющейся на настоящий момент критики работ Гумилева, во многих случаях является принципиальное различие в исходных установках исследования, применяемых методах и подходах. Иными словами, это то, что в свое время было весьма удачно обозначено Т. Куном как *столкновение исследовательских парадигм*, когда характерные для разных научных сообществ модели постановки проблем и их решений, сами подходы настолько различны, что это исключает даже возможность адекватного восприятия и понимания ключевых положений друг друга [52], [53]. Это обуславливает наличие своего рода «парадигмального разрыва» между столь разными дискурсами и их живыми выразителями – научными сообществами. С этим также связано представление о «несоизмеримости научных теорий» [54], согласно которому адекватно понять ту или иную исследовательскую парадигму можно лишь исходя из ее собственных концептуальных оснований, а не в сравнении друг с другом, поскольку представители различных парадигм вкладывают различный смысл даже в одни и те же термины (так, например, Л. Н. Гумилев и Ю. В. Бромлей использовали даже базовые понятия – *этнос* и *этногенез* – в существенно разных значениях).

Если же мы, несмотря на отмеченные трудности, хотим дать объективную оценку научного наследия Гумилева, то необходимо принимать во внимание достигнутые этим ученым результаты, внесенный им вклад в развитие науки, а не только без конца заниматься перечислением частных ошибок, действительных или выдуман-

ных самими критиками противоречий и заблуждений. Нет ничего легче, чем показать слабость или даже несостоятельность ряда положений и методов Гумилева, касающихся построения графиков роста пассионарного напряжения в этногенезе, недостатка строгих методик диагностики пассионарности как на личностном, так и на суперэтническом уровнях, объяснения причин пассионарных толчков и т.д. Но в то же время было бы неправильно стать на путь огульного зачеркивания всего, что было Гумилевым сделано.

Проблема понимания. Все сказанное подводит к выводу, что главное, чего не хватает дискуссиям о Гумилеве, это *стремления к пониманию*: пониманию особенностей его личности, его идейного наследия, его вклада в науку, выяснению идейного контекста его исканий, осмыслению самого феномена его научной индивидуальности в отечественной культуре XX века. Этот ученый и при жизни был понят лишь отчасти и очень немногими, остается он не понят и сейчас, спустя двадцать лет после своей кончины. Вспоминаются слова Л. Н. Толстого, который, комментируя мысль Амиеля, очень точно подметил: *“Нужно пленение, а потом освобождение; очарование, а потом разочарование; увлечение и охлаждение. Тот же, который находится еще под очарованием, так же как и тот, который не был очарован, – одинаково не могут понимать. Мы знаем хорошо только то, чему прежде поверили и потом обсудили. Чтобы понимать, надо быть свободным, но прежде этого быть пленным”*.

Структура понимания немислима без учета внелогических, т.е. психологических, социокультурных и ментальных аспектов. По мнению М. М. Бахтина, одного из крупнейших отечественных мыслителей XX века, понимание всегда диалогично, но диалог невозможен между нежелающими услышать друг друга, невозможен диалог и между говорящими на разных языках. Диалог возможен лишь между стремящимися понять друг друга. Применительно к оценкам наследия Л. Н. Гумилева это предельно емко сформулировал А. М. Буровский, писавший: «На мой взгляд, научная среда отнеслась к работам Льва Николаевича и несправедливо, и односторонне. Уже без всякого идеологического прессинга, без всякого давления властей, ученый мир сам по себе требовал от Льва Нико-

лаевича соответствия “принятому” стандарту. И стандарту поведения самого ученого, и стандарту формы изложения, и стандарту методов исследования. Главная претензия, которую научное сообщество предъявляло ко Льву Николаевичу – это то, что он не вписывался в это сообщество» [55, с. 17].

По словам Бахтина, могучее и глубокое творчество во многом бывает бессознательным, полисемантическим и многосмысленным, т.е. допускающим различные вариации своего осмысления и интерпретации. В понимании думающего человека оно восполняется его собственным сознанием, раскрывая многообразие смыслов, вложенных автором в свое творение, и добавляя новые, рожденные в диалоге или споре с ним [56, с. 346]. Только тогда понимание работ Гумилева, его идей, будет носить подлинно творческий характер. Согласно М. М. Бахтину, понимание всегда аксиологично. В этой связи позволим себе привести небольшой фрагмент из размышлений этого выдающегося мыслителя, очень важный для правильного решения проблемы понимания самого феномена Л. Н. Гумилева и его идейного наследия: «Безоценочное понимание невозможно. Нельзя разделить понимание и оценку: они одновременны и составляют единый целостный акт. Понимающий подходит к произведению со своим, уже сложившимся мировоззрением, со своей точки зрения, со своих позиций. Эти позиции в известной мере определяют его оценку, но сами они при этом не остаются неизменными: они подвергаются воздействию произведения, которое всегда вносит нечто новое. Только при догматической инертности позиции ничего нового в произведении не раскрывается (догматик остается при том, что у него уже было, он не может обогатиться). Понимающий не должен исключать возможности изменения или даже отказа от своих уже готовых точек зрения и позиций. В акте понимания происходит борьба, в результате которой происходит взаимное изменение и обогащение. Активное согласие – несогласие (если оно не предрешено догматически) стимулирует и углубляет понимание, делает чужое слово более упругим и самостоятельным, не допускает взаимного растворения и смешения» [56, с. 366.]. Представляется, что только в этом, намеченном М. М. Бахтиным, направлении

должны разворачиваться дальнейшие дискуссии об идейном наследии Л. Н. Гумилева.

«Скептики» любят повторять, что последователи Гумилева представляют собой некое подобие секты и потому спорить с ними бессмысленно. Это могло бы быть справедливо для определенного числа эпигонов, эрудиция которых ограничивается одной-двумя прочитанными книгами Гумилева, но совершенно неправомерно называть сектантами всех тех, кто разделяет те или иные взгляды Гумилева и развивает его идеи. С другой стороны, единодушные критиков наводит на схожую мысль: как строки из священных текстов из работы в работу они повторяют одни и те же фразы, которые заимствуют друг у друга, и все меньше стремятся обращаться к непосредственному анализу критикуемых работ – для них, похоже, важнее авторитет выдвинувшего обвинение автора, а не соответствие этого обвинения действительности. Подобная критика преследует не научные цели, не установление истины, а одну лишь дискредитацию ненавистного им ученого и его наследия. Мы привели немало примеров, чтобы стало очевидным проявление некоего подсознательного неприятия любых работ Л. Н. Гумилева. Чем это не сектантство?

Итак, мы видим, что идеи этого ученого составили не просто одну из концепций, имеющих узкоспециализированное научное значение. Нет, случилось так, что вопреки уничтожающей критике и попыткам удушающего замалчивания, наперекор всему идейное наследие Гумилева вдруг получило необычайно широкий для научной теории общественный резонанс, завоевало удивительную популярность, прочно вошло в сознание многочисленной аудитории и стало целым явлением отечественной культуры на всем постсоветском пространстве. Поэтому имеются все основания говорить о *феномене Льва Гумилева*, продолжающего и после смерти жить в своих трудах. Идеи Гумилева и сейчас вдохновляют исследователей, подвигая их на дальнейшую разработку самых различных проблем, затронутых в его трудах.

Рассмотренные примеры показывают тенденциозность критики работ Гумилева. Даже в тех случаях, когда она представляла скорее традиционный научный спор, нежели развенчание, при детальном анализе обнаруживался по меньшей мере паритет позиций Гумилева и его оппонентов, что показал еще С. И. Руденко в статье, подводившей итоги дискуссиям о книге «Хунну». Лейтмотивом критики являлось не установление истины, а дискредитация Гумилева как ученого. Обвинения в ошибочности построений, в незнании источников, в отсутствии методологии удалось (хотя только временно) в ходе дискуссий с оппонентами отбить ему самому, и книги «степной трилогии» так или иначе были признаны научной средой, на них даже стали ограниченно ссылаться. Но повторимся, полноценного их использования так и не произошло. А уже после начала публикаций по этногенезу за Гумилевым потянулся шлейф куда более серьезных и опасных для того времени идеологических обвинений: в немарксизме, биологизаторстве, бихевиоризме, даже в расизме, а незадолго до его смерти – и в антисемитизме. Поскольку большого хронологического разрыва между опровержением первой группы обвинений и появлением второй не было, какое-то время они даже шли параллельно (в начале 1970-х гг.), то начавшееся было освоение научной средой востоковедных работ Гумилева практически сошло на нет.

Поразительно во всем этом не только незнание современными критиками работ Гумилева и отсутствие желания их адекватно понять, но и предъявление работам Гумилева заведомо завышенных требований, не соответствующих жанру кратких журнальных статей или же обобщающих монографий (аккумуляция источников и основной литературы по проблеме с целью подведения итогов ее изучения и выявления «белых пятен», на заполнение которых нужно обратить внимание при ее дальнейшем изучении и т.д.). Всем указанным критериям работы Гумилева соответствовали и даже во многом их превосходили. Следовательно, претензии к Гумилеву нынешних историков, когда отпали все идеологические и конъюнктурные причины его непризнания, демонстрируют лишь инерцию его прежнего неприятия (их учителями или научной средой в целом), причины которого забыты, а труды самого Гумилева

известны крайне поверхностно. И эти обвинения куда парадоксальнее тех, что предъявлялись ему при жизни. Они не имеют целью что-либо опровергнуть или с чем-нибудь поспорить в его работах. Нет, их цель показать, что опровергать там нечего, поскольку работы эти полностью несамостоятельны и компилятивны, а их автор просто не был способен что-либо научное написать в силу как обстоятельств биографии, так и присущего ему дилетантизма, смешанного с постановкой нереалистичных задач. При этом нередко «особость», «дилетантизм» или «ненаучность» взглядов Л. Н. Гумилева просто постулируются, но отнюдь никак не доказываются, поскольку рассматриваются как абсолютно очевидные и всеми «специалистами-профессионалами» разделяемые.

Таким образом, с сожалением следует признать, что чаще всего в отношении оценки работ Гумилёва приходится сталкиваться либо с односторонней апологетикой, либо с поверхностным критиканством, которое ничего общего не имеет с подлинно научной критикой, основанной на вдумчивом понимании и глубоком проникновении в суть работ оппонента, знании и надлежащем применении методов, этики и стиля научной критики. Апологетические же сочинения «обожателей» своей эмоциональной пристрастностью, идеологическим пафосом, а порой и своей нелепостью, непрофессионализмом и вопиющим невежеством только подогревают эту критику, подавая лишние поводы для новых нападок... почему-то не на их авторов, а непосредственно на самого Гумилева. Усилиями таких авторов создано множество мифологем, в соответствии с которыми Гумилев предстает либо «пророком», «духовидцем», «апологетом Бога на земле», либо проводником идей «расизма», «шовинизма», «нацизма», «национализма», «географического детерминизма», «биологизаторства» и т.д. Сам Гумилев неоднократно говорил о мифотворчестве и его разъедающем воздействии на науку: «Однако мифы, несмотря на призрачность своей природы, совсем не безвредны. Они норовят подменить собой эмпирические обобщения наблюдаемых фактов, то есть занять место науки и заменить аргументацию декларациями, подлежащими принятию без критики. Проверить данные мифа невозможно. Когда миф торжествует, то наступает подлинный упадок науки, да и всей культуры...» [3,

с. 231]. Эти слова ученого об опасности мифологизации науки теперь относятся и к оценкам его наследия. Его оппоненты прилагают вполне целенаправленные, хотя и не всегда скоординированные усилия по созданию окологумилевских легенд, чтобы активно бороться с ними, порождая новые мифы.

Весь этот неизменно повышенный градус эмоциональной напряженности в дискуссиях о Л. Н. Гумилеве не может не вызывать удивления. Однако этот «эмоциональный накал пристрастности» можно рассматривать не только как свидетельство неоднозначности личности и спорности идей Гумилева, но и как веский критерий мировоззренческой значимости и фундаментальности поставленных в его работах проблем.

В связи с этим главная задача при изучении личности Л. Н. Гумилева заключается не в том, чтобы заниматься его восхвалением или критиканством, а в том, чтобы попытаться понять его как человека и интересного мыслителя. Необходимо попытаться осмыслить творческое наследие этого ученого во всей его сложности и попытаться развить заложенный в его учении потенциал. Со всей очевидностью встает задача возвращения российской науке не только доброго имени Л. Н. Гумилева, но и полноценного использования его научного наследия, которое возможно только при наличии конструктивной, а не обвинительно-негативистской критики с навешиванием ярлыков и штампов. Поэтому так важно преодолеть этот одномерный черно-белый взгляд на личность и наследие Л. Н. Гумилева.

1. Шнирельман В. А. Введение // Этнографическое обозрение. 2006. № 3. С. 3–7.
2. Гумилев Л. Н. Место исторической географии в востоковедных исследованиях // Народы Азии и Африки. 1970. № 1. С. 85–94.
3. Гумилев Л. Н. Этнос: мифы и реальность // Дружба народов. 1988. № 10. С. 218–231.
4. Лавров С. Б. Лев Гумилев: Судьба и идеи. М.: Айрис-пресс, 2003. 608 с.
5. Демин В. Н. Лев Гумилев. М.: Молодая гвардия, 2007. 310 с.

6. Дьяконов И. М. «Огненный дьявол» // Нева. 1992. № 4. С. 225–228.
7. Коренько В. А. К критике концепции Л. Н. Гумилева // Этнографическое обозрение. 2006. № 3. С. 22–35.
8. Каргалов В. В. Русь и кочевники. М.: Вече, 2004. 528 с.
9. Сухова С. Рюрик жил на одну зарплату... // Итоги. № 47 (337). 26 ноября 2002. URL: <http://www.itogi.ru/archive/2002/47/103311.html> (дата обращения: 23.04.2012).
10. Васильев К. В. Л. Н. Гумилев. Хунну, Срединная Азия в древние времена : рецензия // Вестник древней истории. 1961. № 2. С. 120–124.
11. В Государственном Эрмитаже и Ленинградском отделении Института народов Азии АН СССР // Вестник древней истории. 1962. № 3. С. 202–210.
12. Бартольд В. В. Сочинения. Том II, часть 1. Общие работы по Средней Азии. Работы по истории Кавказа и Восточной Европы. М.: Издательство восточной литературы, 1963. 1020 с.
13. Гумилев Л. Н. Древние тюрки. VI–VIII вв. : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Л., 1961. 28 с.
14. Борисковский П. И., Гурина Н. Н., Массон В. М. История Сибири с древнейших времен до наших дней. Том I. Древняя Сибирь. Л., 1968 : рецензия // Советская археология. 1974. № 4. С. 285–290.
15. Гришин Ю. С. М. И. Рижский. Из глубины веков. Рассказы археолога о древнем Забайкалье... : рецензия // Советская археология. 1971. №1. С. 304–305.
16. Чемерисская М. И. Лев Николаевич Гумилев и его научное наследие // Восток. 1993. № 3. С. 165–181.
17. Данилевский И. Н. Русские земли глазами современников и потомков (XII–XIV вв.) : курс лекций. М.: Аспект Пресс, 2001. 389 с.
18. Иванов С. А. Лев Гумилев как феномен пассионарности // Неприкосновенный запас. 1998. № 1. URL: <http://magazines.russ.ru/nz/1998/1/nzgumil.html> (дата обращения: 9.06.2012).
19. Герштейн Э. Мемуары. М.: Издатель Захаров, 2002. 762 с.
20. Клейн Л. С. Горькие мысли «привередливого рецензента» об учении Л. Н. Гумилева // Нева. 1991. № 4. С. 228–246.
21. Петров А. Е. Перевернутая история. Лженаучные модели прошлого // Новая и Новейшая история. 2004. № 3. С. 36–59.

22. Кузьмин А. Г. История России с древнейших времен до 1618 г.: учеб. для студ. высш. учеб. заведений: в 2 кн. М.: ВЛАДОС, 2003. Кн. 1. 447 с.
23. Семенов Ю. И. Философия истории. М.: Современные тетради, 2003. 776 с.
24. Лурье Я. С. Древняя Русь в сочинениях Льва Гумилева // Звезда. 1994. № 10. С. 167–177.
25. Мосионжник Л. А. Исторический миф Л. Н. Гумилева: технология создания // Нестор №14 (2010). Технология власти–2. СПб.: Нестор-история, 2010. С. 303–344.
26. *Russia mediaevalis*. Т. 1. München, 1973.
27. Шнирельман В. А., Панарин С. А. Лев Николаевич Гумилев: основатель этнологии? // Вестник Евразии. 2000. № 3. С. 5–37.
28. Козлов В. И. Пути околэтнической пассионарности // Советская этнография. 1990. №4. С. 94–110.
29. Яблонский Л. Т. «Палеоантропология СССР» Г. Ф. Дебеца с позиций современной палеоантропологии // Этнографическое обозрение. 1996. № 4. С. 78–84.
30. Кедров Б. М., Григулевич И. Р., Кривелев И. А. По поводу статьи Ю. М. Бородея «Этнические контакты и окружающая среда» // Природа. 1982. № 3. С. 88–91.
31. Алексеев В. П. Этногенез. М.: Наука, 1986. 176 с.
32. Коллингвуд Р. Дж. Идея истории. Автобиография. М.: Наука, 1980. 488 с.
33. Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера земли. Л.: Гидрометеиздат, 1990. 528 с.
34. Крюков М. В., Малявин В. В., Софронов М. В. Китайский этнос на пороге средних веков. М.: Наука, 1979. 328 с.
35. Крюков М. В., Малявин В. В., Софронов М. В. Китайский этнос в средние века (VII–XIII вв.). М.: Наука, 1984. 336 с.
36. Коротаев А. В., Малков А. С., Халтурина Д. А. Законы истории. Математическое моделирование исторических макропроцессов. Демография, экономика, войны. М.: КомКнига, 2005. 344 с.
37. Крюков М. В., Переломов Л. С., Софронов М. В., Чебоксаров Н. Н. Древние китайцы в эпоху централизованных империй. М.: Наука, 1983. 416 с.
38. Жуковская Н. Л. Изучение ламаизма в СССР (1917–1976) // Народы Азии и Африки. 1977. № 2. С. 187–196.

39. Жуковская Н. Л. Народные верования монголов и буддизм (к вопросу о специфике монгольского ламаизма) // Археология и этнография Монголии. Новосибирск: Наука, 1978. С. 24–36.
40. Гафуров Б. Г. Таджики. 2-е изд. Душанбе: ИРФОН, 1989. Кн. 1. 380 с.
41. Ставиский Б. Я. О месте исторической географии в востоковедных исследованиях (по поводу критики И. Я. Златкиным концепции Л.Н. Гумилева) : рукопись // Архив Мемориального музея-квартиры Л.Н. Гумилёва (филиал музея Анны Ахматовой в Фонтанном доме).
42. Гумилев Л. Н. Искать то, что верно // Советская литература. 1990. № 1. С. 72–77.
43. Козлов В. И. Лев Николаевич Гумилев // Советская этнография. 1992. № 5. С. 173–175
44. Рыбаков Р. Б. Сын об отце // Вестник Российской академии наук. Т. 78. 2008. № 6. С. 544–548.
45. Скаковский Л. Р. «Золотая осень цивилизации» как инерционная фаза этногенеза: достижения, проблемы и издержки // Международные исследования. Общество. Политика. Экономика. 2010. № 3(4). С. 48–51.
46. Лавров С. Б. В чем феномен Льва Гумилева // Санкт-Петербургские ведомости. 9 апреля 1993.
47. Гумилев Л. Н. Автобиография. Воспоминания о родителях // Лавров С. Б. Лев Гумилев: Судьба и идеи. М.: Айрис-пресс, 2003. С. 7–16.
48. Куркчи А. И. Л. Н. Гумилев и его время // Гумилев Л. Н. Поиски вымышленного царства. М.: Институт ДИ-ДИК, 1997. 480 с.
49. Семенов Ю. И. Идеологическая мода в науке и скептицизм // Скепсис. 2003. № 2. С. 11–18.
50. Кузьмин А. Г. Пропеллер пассионарности, или Теория приватизации истории // Молодая гвардия. 1991. № 9. С. 256–277.
51. Янов А. Л. Учение Льва Гумилева // Свободная мысль. 1992. № 11. С. 104–116.
52. Кун Т. Структура научных революций. М.: АСТ, 2003. 365 с.
53. Лакатос И. Методология исследовательских программ. М.: АСТ: Ермак, 2003. 380 с.
54. Порус В. Н. О философских аспектах проблемы «несоизмеримости» научных теорий // Вопросы философии. 1986. № 12. С. 57–70.
55. Буровский А. М. Лев Николаевич Гумилев – о месте в науке и в истории // Лев Николаевич Гумилев. Теория этногенеза и исторические

судьбы Евразии : материалы конференции. СПб.: Европейский Дом, 2002. Т. 1. 271 с.

56. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. 2-е изд. М.: Искусство, 1986. 445 с.

С. А. Тихомиров

**«Нетипичный» человек из эпохи Отечественной войны
1812 года (опыт междисциплинарного прочтения
«новой биографической истории»)**

УДК 821.161.1, 82-342, 929

Сюжет для публикации продиктован историко-антропологическим контекстом современных исторических исследований. Пристальному междисциплинарному вниманию была подвергнута комедия Н. В. Гоголя «Ревизор» и история её написания, поскольку художественная литература издавна считалась ценным историческим источником. Черная сведения в архивных документах, автор прослеживает судьбы исторических прототипов и литературных персонажей произведения, показывает их жизнь в истории и литературе. В исследовании сталкиваются биографические факты и реальная жизнь русской провинции, воплощённые писателем в произведении, так как истоком всему явилось время, в котором жило и творило поколение эпохи Отечественной войны 1812 года.

Ключевые слова: эпоха Отечественной войны 1812 года, военное поколение, комедия Н. В. Гоголя «Ревизор», история создания произведения, повседневная жизнь русской провинции, судьбы исторических персонажей и литературных прототипов.